Константин Б. Гаазе
Московская высшая школа социальных и экономических наук, Россия

Разведка боем: на подступах к левой теории бюрократии

Рецензия на книгу: Гребер Д. (2016) Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии, М.: Ад Маргинем Пресс

doi: 10.22394/2074-0492-2016-4-195-203

Антрополог Дэвид Гребер, как принято говорить в подобных случаях, не нуждается в представлениях российскому читателю. В 2014 году опубликованы русские переводы двух его книг: «Фрагменты анархистской антропологии» и «Долг: первые 5000 лет истории», так что и с основами анархистской антропологии, и с пролегоменами к новой левой теории капитализма (в версии Гребера) многие уже знакомы. Скорее всего преданные читатели «Социологии власти» обратили внимание и на прекрасную рецензию на две эти книги [Попова, 2015], опубликованную в начале прошлого года. Новая книга Гребера «Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии» добралась до России быстрее своих предшественниц: между первой публикацией «Фрагментов»

Гаазе Константин Борисович — старший научный сотрудник Международного центра социальной теории МВШСЭН. Научные интересы: социальный порядок и суверенитет, Томас Гоббс, искусственное и органическое как категории политической философии, правительность, этнография и антропология бюрократии, акторно-сетевая теория. E-mail: kgaaze@gmail.com
Gaaze Konstantin Borisovich— Senior research scientist, The International Center for Sociological Theory at Moscow School of Social and Economic Sciences. Research interests: order and sovereignty, Thomas Hobbes, natural and artificial as categories of Political philosophy, governmentality, ethnography and anthropology of bureaucracy, actor-network theory. E-mail: kgaaze@gmail.com
Статья написана в рамках научно-исследовательской работы «Микросоциальные основания политических процессов: трансформация публичного пространства и механизмов солидаризации» (ЦСИ ИОН РАНХиГС, 2016).
Acknowledgment: The article is a part of the research project «Micro-Social Basis of Political Process: Transformation of Public Space and Solidarity Mechanisms» (CSR SPP RANEPA, 2016).

и выходом русского перевода прошло 10 лет, «Долга» — четыре года, «Утопии» понадобился всего год. Несомненно, это свидетельствует и о признании Гребера в нашей стране, и об интересе, который вызывают в России темы, ставшие предметами его исследований.

Стандартные способы написания рецензии на научный труд не очень подходят к новой книге Гребера. Прямой пересказ содержания «Утопии правил», книги, посвященной критике бюрократии, будет не только бесперспективной, но и вредной затеей. Гребер прекрасно владеет искусством выбора ярких, интересных и незамыленных примеров, иллюстрирующих его аргументы и теоретические построения. Одна лишь история [Гребер, 2014, с. 56] сказки «Удивительный волшебник из страны Оз», являющейся на самом деле иносказанием о марше фермеров, требовавших отказа от золотого стандарта, на Вашингтон (ведьмы Востока и Запада как аллегории банкиров Западного и Восточного побережья США, Железный дровосек — бессердечный пролетариат, не поддержавший фермеров, Трусливый Лев — жалкий политический класс и т.д.) стоит многого. Преступно лишать аудиторию удовольствия от чтения новой порции столь же блестяще подобранных примеров и историй, которые, по мысли автора, должны поставить под сомнение не только эффективность, но и саму необходимость бюрократии как… А, собственно, как чего?

Именно здесь автор рецензии сталкивается с затруднениями иного рода. Следуя в магистральном русле постмодерной антропологии, Гребер предельно свободно определяет предмет/объект своего нового исследования. Аксиоматика его дисциплины позволяет ему строить критические аргументы, адресуясь к бюрократии то как к локальности (locality как антоним globality) конкретных мест, где работают бюрократы, то как к сообществу (в эссенциалистском смысле, а иногда даже в духе тённисовского gemeinshaft'a), то как к особым ситуациям (processes), в которые вовлекаются идеи (важная часть книги — рассказ роли бюрократии в научно-техническом прогрессе) и обычные люди, то как к материальным артефактам, обладающим принудительной силой. Бюрократия Гребера многолика и сделана из разных материй, собственно сказать о ней что-либо однозначное, что она — суть только институт или только практика, или только язык, или словарь, или, например, только вещь, бумажная анкета — нельзя.

Поэтому второй привычный способ рецензирования — систематическая работа с аргументами автора, их последовательный разбор и критика — представляется затруднительным. Гребер [2016, с. 43], отдавая должное правой, либеральной традиции критики бюрократии, видит свою задачу в разведке направлений, в которых может двигаться ее левая критика. Это пространство — «белое

пятно» на карте, ибо критическое изучение бюрократии в социальных науках нужно начинать с чистого листа: «мы больше не думаем о бюрократии» [с. 8]. Как всякое разведывательное предприятие на неизвестной территории, текст Гребера не может двигаться и не движется в одном заранее известном направлении. Поэтому мы осмелимся предложить третий способ работы с книгой Гребера.

Представим, что имеем дело с тремя разведчиками: Гребером-антропологом, Гребером-философом и Гребером-активистом. Мы проследим их маршруты и покажем те проблемы, с которыми каждый из них столкнулся в ходе своего путешествия. Поскольку книга представляет собой сборник из пяти эссе, непосредственно с бюрократией связаны только четыре из них (пятое — это переработанная Гребером статья о фильме Кристофера Нолана «Темный рыцарь: возрождение легенды» из журнала New Inquiry), а их тематика почти ничем, кроме «бюрократии» как сквозного мотива размышлений автора, не связана, такой подход представляется нам вполне легитимным.

Антропология как боевое искусство

Гребер посвятил первую главу «Утопии правил» артефактам бюрократического делопроизводства, конкретнее, формам сбора индивидуализированных данных (анкетам и заявлениям). Эта глава представляет собой переработанную версию одной из самых известных статей Гребера «Мертвые зоны воображения» [Graeber, 2012] и является антропологическим «ядром» его новой книги. Гребер-антрополог исследует возможности изучения бюрократии в двух направлениях. Первое — проблема эпистемологической возможности изучения ее артефактов в антропологической оптике. Второе — структуралистский анализ того, что является приводным механизмом этих артефактов, содержащий оммаж в адрес Клода Леви-Стросса. Первое направление Гребер признает бесперспективным, тупиковым: «Даже когда формуляры сложны или умопомрачительно сложны, их замысловатость складывается из наслоений очень простых… элементов, наподобие лабиринта… Как и лабиринт, бумажная волокита не открывает ничего, выходящего за ее рамки» [с. 50].

Сам дизайн бюрократических форм настолько эстетически убог и необъемен, что антрополог не может включить воображение, глядя на них. Именно поэтому «насыщенное описание» таких артефактов в духе Гирца (термин «толстое описание», использованный русскими переводчиками «Утопии», остается на их совести) невозможно (подробнее об этом аргументе Гребера см. статью «Рукописные практики российской правительности», опубликованную

в этом номере). Отсюда Гребер начинает движение в другую сторону: к онтологии бюрократических артефактов. Если «полиция — это бюрократы с оружием» [с. 69], то «оружие» бюрократов — бумажки, те самые анкеты и формуляры. Они физически оглупляют заполняющих их людей, они — агенты «структурного насилия» (термин Юхана Галтунга), их задача — выключить воображение не только у антрополога, но и у любого, кто имеет с ними дело. Для Гребера нет большой разницы между ударом дубинкой по голове и отключением воображения.

В аргументах Гребера, оставляя в стороне возможности их критики в связи с некоторой неясностью концепта «структурного насилия» (об этом см. подробнее материалы симпозиума «Revisiting Johan Galtung's Concept of Structural Violence» [Dilts, 2012]), игнорируются два существенных для антропологии обстоятельства. Первое — это возможность чуть более сложной, чем описанное им «отключение воображения», интеракции сообществ и индивидуумов с бюрократией и ее артефактами. Как показывает исследование Моник Нюйтен [Nuijten, 2004, p. 216] в мексиканской аграрной коммуне Ла Каноа, крестьяне создали целую мифологию, связанную с «точной картой» границ их земельного участка. Кроме нарративов о судьбе «точной карты» крестьяне также создали несколько различающихся в деталях нарративов о том, как именно она должна выглядеть, по каким признакам можно отличить «точную» карту от подделки.

Мигранты из Средней Азии, работающие в Москве, и проверяющие их документы полицейские создали подвижную иерархию различений подлинности справок о регистрации по месту жительства, ее описала Маделин Ривз [Reeves, 2013, p. 515]. Одна и та же справка будет «поддельной», «настоящей» или «чистой подделкой» в зависимости от того, может ли ее обладатель ответить на вопросы полицейских, например, до какой станции метро нужно доехать, чтобы попасть в квартиру, где он официально зарегистрирован, сколько этажей в доме и на каком этаже находится «его» квартира.

В обоих случаях — и в случае с планом земельных участков, и в случае со справками ФМС — «плоские» бессмысленные бюрократические артефакты обрастают смыслами, оттенками значений, становятся культурными феноменами в локальных сообществах, хотя, по мысли Гребера, это просто невозможно — они лишь знаки «структурного насилия», а не повод для работы воображения. Но это лишь один аргумент против выводов Гребера. Второй касается самого поля, где производятся бюрократические артефакты, то есть бюрократии как таковой. Гребер полностью игнорирует, например, важное различие между государственной бюрократией и бюрократией корпоративной. И смыслы, и эстетика, и эмоции — свойства

не только самих артефактов, но и культуры, в которой эти артефакты производятся. Коровы нуэров Эванс-Причарда и коровы индийских ритуалов «второго рождения», описанные Фрэзером, являются одними и теми же коровами, но при этом, разумеется, это не одни и те же коровы с точки зрения смыслов, эстетики и эмоций в культуре нуэров и индусов юга Индостана.

Различение между бюрократическими практиками, одна из которых говорит в том числе на языке борьбы за политическую власть, запутанных интриг и сведения счетов, а другая — на языке прибыли, убытков и калькуляции рисков (как в случае с упомянутой Гребером формой заявки на получение ипотечного кредита), здесь очевидно: государственные бюрократы и наемные сотрудники банков и ипотечных компаний живут в разных культурах. Кажется, разведчик-антрополог Гребер попал здесь в ловушку, описанную некоторыми его коллегами. Ученые-антропологи, являясь одновременно бюрократическими акторами, могут отстраниться от бюрократической рутины, чтобы надлежащим образом ее изучить, лишь с очень большим трудом. Анкеты, документы служебной переписки, формализованные заявки и так далее для Гребера в каком-то смысле «аналитически невидимы» [Brenneis, 2006, p. 42].

Подозреваемый Платон

Третья глава «Утопии правил» посвящена описанию философских оснований критики бюрократии в проекте Гребера. Этой главе нельзя отказать в оригинальности и новизне. В тотальной бюрократизации социальной жизни виновны, по мнению Гребера, пифагорейцы. Представители этой философский школы «стали считать ценностью рациональность саму по себе» [с. 153], именно пифагорейцы придумали тот способ мыслить о мире, благодаря которому бюрократия стремится «превратить себя в грандиозную космологическую схему» [с. 157]. Платон, обобщивший и систематизировавший их программу, оказал «огромное влияние» на позднюю античность и Возрождение. Спустя две с половиной тысячи лет после запуска пифагорейского проекта немецкая почтовая служба стала материальным воплощением «рациональной эффективности» [с. 138] и достижимости идеала связного и упорядоченного космоса. Гладко работающая, быстро растущая служба ввела в искушение и Макса Вебера, и Владимира Ленина: «Устройство Советского Союза было напрямую скопировано с германской почтовой службы» [с. 142].

Этот аргумент предоставляет прекрасную возможность для эпистемологической атаки. Теоретическим источником господства бюрократии стала, по мнению Гребера, идея пифагорейцев о том, что «космос рационален… является выражением принципов чисел,

степеней и вибраций, и, когда человеческий ум… использует силу разума, он лишь участвует в этом широком рациональном порядке» [с. 153]. Парадокс заключается в том, что структуралистский аргумент Леви-Стросса, использованный Гребером в первой главе, имеет те же философские корни. Точкой отсчета структуралистского и семиотического проектов в европейской философии принято считать [Hawkes, 2003] тезис Джамбаттиста Вико, утверждавшего, что «необходимо, чтобы в природе человеческих вещей существовал некий Умственный Язык, общий для всех наций: он единообразно понимает сущность вещей, встречающихся в общественной человеческой жизни, и выражает и в стольких различных модификациях, сколько различных аспектов могут иметь вещи» [Вико, 1994. с. 80], сформулированный им в «Основаниях новой науки». Вико — платонист: « …как истинный сын Возрождения, Вико отдает предпочтение Платону перед Аристотелем…. гуманизированный неоплатонизм стал философской доминантой всего духовного творчества Вико» [Киссель, 1980, с. 21-22].

Таким образом, структуралистская аксиоматика, пригодная для раскрытия механизмов работы «структурного насилия» (Гребер, например, использует в первой главе книги парные структуры Леви-Стросса), оказывается родственной, если не тождественной аксиоматике «рациональности», которая стала фундаментом торжества бюрократии. В указании Гребера [с. 71] на сходство между бюрократическим и теоретическим знанием можно увидеть нечто вроде признания в справедливости такого упрека. Кажется, Гребер-философ, как и Гребер-антрополог, тоже попал в ловушку, правда, ловушку иного рода, схожую с той, в которую попал другой критик Платона — Карл Поппер. Любой современный язык описания и говорения, могущий быть признанным научным, так или иначе содержит в себе презумпцию рациональности. Безотносительно роли пифагорейцев рациональность как идея неизбежно будет роднить научную теорию и бюрократическую практику. Чтобы атаковать бюрократию таким образом, нужно или убедительно и новаторски показать, как может быть решен «проклятый вопрос» о позиции социального знания относительно дихотомии «наук о духе/наук о природе», или предложить кардинально новый эпистемологический проект. Характерно, что Гребер, подспудно преследуя такую цель, не пользуется возможностями, которые представляет, например, акторно-сетевая теория. Возможно, дело в том, что идея трансцендентного политического образца, или, как это называет Грэм Харман, «трансцендентного апелляционного суда» [Harman, 2014. p. 19], которая совершенно чужда проекту Бруно Латура, пост-марксисту Греберу дороже возможности совершить эпистемологическую революцию.

Сообщество воображения

Два разведчика из трех, кажется, не вполне преуспели: их миссии, если и не были невыполнимыми с самого начала, все же остались не до конца выполненными. Как сложилась судьба третьего? Гребер как левый критик бюрократии, как идеолог движения «Захвати Уолл-стрит», несомненно, добился своей цели. Не будучи ограничен академическими правилами в отличие от Гребера-антрополога и Гребера-философа, Гребер-критик рисует убедительную, печальную и очень достоверную картину заката модерных управленческих практик как таковых. Ни корпоративная бюрократия, изменившая союзу с рабочими в пользу союза с инвесторами [с. 21], ни государственная бюрократия, частично сливающаяся с корпоративной благодаря политике «вращающихся дверей» (чиновники беспрепятственно уходят с госслужбы в корпорации и возвращаются обратно), не способны сегодня, а возможно, никогда не были способны, решать те задачи, которые обещали решить.

Вне зависимости от того, в каком именно положении застывает в каждый конкретный момент политический маятник — превозносят ли политики дерегулирование или, наоборот, регулирование, — «бюрократический популизм» не меняет своей сути. Дистопия в такой оптике не жанр фантастической литературы, а грустная реальность, обнаружить которую можно не только в собственном окне или отделении банка, но и в книгах, фильмах, детских играх и учебниках грамматики.

«Белый рыцарь», который может и должен победить многоликую бюрократию, — это воображение. Воображение Гребер понимает как живую социальную силу, противостоящую насилию и принуждению. Воображение — корень инноваций и кладезь бесконечного множества партиципаторных практик. Это, к слову, на наш взгляд, одна из самых интересных мыслей Гребера, достойная детального продумывания и обстоятельных дебатов. Чтобы освободить воображение, нейтрализовать подавляющий его бюрократический аппарат, нужен бунт [с. 93]. Бунт расширяет горизонты возможного и открывает простор для «практического воображения» и создания «небюрократического социального порядка» [с. 94].

Схожий ход мысли привел бунтующих студентов Сорбонны в 1968 году к идее каждые сутки выбирать новых руководителей, чтобы те не успевали привыкнуть к власти или обрасти аппаратом. Ключ к успешному бунту — прямое гражданское неповиновение, протесты, аналогичные по форме «арабской весне», протестам в Греции и действиям движения «Захвати Уолл-стрит». Самой действенной тактикой Глобального движения за справедливость стала осада, в которую протестующие помещали места проведения саммитов ВТО и МВФ, и эти осады оказали «магическое действие» [с. 30].

Но что делать дальше, после бунта? Гребер, уповая на «практическое воображение», фактически повторяет ход мысли Ленина, сказавшего спустя 10 дней после Октябрьской революции свою знаменитую фразу «Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности»; советская пропаганда вспоминала о ней каждый раз, когда партия нуждалась в обосновании курса на смену вех и возврат к «ленинизму».

Но известны и аргументы против такой программы. Слова философа-коммуниста Люсьена Гольдмана, напомнившего в феврале 1969 года в полемике с Фуко и Лаканом о написанном на доске в одной из аудиторий Сорбонны лозунге «Структуры не выходят на улицы», до сих пор способен остудить пыл мечтателей, уповающих на ненасильственные практики обуздания темных сторон человеческой природы. До тех пор пока не будет придуман, хотя бы в теории, способ, как совместить идеал «благой жизни» коллектива с отказом от насилия в отношении его заблудших членов, «практическое воображение» скорее будет приводить к погромам и гражданской войне, как это случилось на площади Тахрир или, например, в Ливии, чем к появлению новых форм общественной кооперации. Однако, и это самое важное, книга Гребера «Утопия правил», безусловно, является значительной вехой на пути к появлению такой теории.

Библиография

Вико Дж. (1994) *Основания новой науки об общей природе вещей*, М.: «REFL-book».

Гребер Д. (2015) *Долг: первые 5000 лет истории*, М.: Ад Маргинем Пресс.

Гребер Д. (2016) *Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии*, М.: Ад Маргинем Пресс.

Киссель М.А. (1980) *Джамбаттиста Вико*, М.: Мысль.

Попова К. (2015) Анархистская антропология в действии. *Социология власти*, 27 (1): 295-304.

Brenneis D. (2006) Reforming promise. A. Riles (ed.) *Documents: artifacts of modern knowledge*, Ann Arbor: University of Michigan Press: 41-70.

Dilts A. (2012) Revisiting Johan Galtung's Concept of Structural Violence. *New Political Science*, 34 (2): 191-194.

Graeber D. (2012) Dead zones of imagination. *HAU: Journal of Ethnographic Theory.* 2 (2): 105–28.

Hawkes T. (2003). *Structuralism and Semiotics*, London: Routledge.

Harman G. (2014) *Bruno Latour. Reassembling the Political*, London: Pluto Press.

Nuijten M. (2004) Between fear and fantasy. Governmentality and the working of power in Mexico. *Critique of anthropology*, 24 (2): 209–230.

Reeves M. (2013) Clean fake: authenticating documents and persons in migrant Moscow. *American Ethnologist*, 40 (3): 508–524.

References

Vico G. (1994) *Osnovania novo nauti ob obschey priore veschey.* [Principi di Scienza Nuova d'intorno alla Comune Natura delle Nazioni], M.: «REFL-book».

Graeber D. (2015) *Dolg: pervye 5000 let istorii*. [Debt: The First 5000 Years], M.: Ad Marginem Press.

Graeber D. (2016) *Utopia pravil: o technologiyah, gluposti i taynom obayanii burokratii*. [The Utopia of Rules: On Technology, Stupidity and the Secret Joys of Bureaucracy] M.: Ad Marginem Press.

Kissel M.A. (1980) *Giambattista Vico*, [Giambattista Vico]. M.: Mysl.

Popova K. (2015) Ananrhistskaya antropologia v deystvii [Anarchist anthropology in action]. *Sociologia Vlasti*, 27 (1): 295-304.

Brenneis D. (2006) Reforming promise. A. Riles (ed.) *Documents: artifacts of modern knowledge*, Ann Arbor: University of Michigan Press: 41-70.

Dilts A. (2012) Revisiting Johan Galtung's Concept of Structural Violence. *New Political Science*, 34 (2): 191-194.

Graeber D. (2012) Dead zones of imagination. *HAU: Journal of Ethnographic Theory.* 2 (2): 105–28.

Hawkes T. (2003). *Structuralism and Semiotics*, London: Routledge.

Harman G. (2014) *Bruno Latour. Reassembling the Political*, London: Pluto Press.

Nuijten M. (2004) Between fear and fantasy. Governmentality and the working of power in Mexico. *Critique of anthropology*, 24 (2): 209–230.

Reeves M. (2013) Clean fake: authenticating documents and persons in migrant Moscow. *American Ethnologist*, 40 (3): 508–524.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Гаазе К.Б. (2016) Разведка боем: на подступах к левой теории бюрократии. Рецензия на книгу: Гребер Д. (2016) Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. М.: Ад Маргинем Пресс. *Социология власти*, 28 (4): 195-203.

Gaaze K. (2016) Offensive Reconnaissance: Towards Left Theory of Bureaucracy. Review: Graeber D. (2016) The Utopia of Rules: On Technology, Stupidity, and the Secret Joys of Bureaucracy. M.: Ad Marginem Press. *Sociology of power*, 28 (4): 195-203.